

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2021-2022 УЧ. ГОД**

10 КЛАСС

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (время выполнения 3,5 астрономических часа (210 мин.), максимальный балл – 70) и творческое задание (время выполнения – 1,5 астрономических часа (90 мин.), максимальный балл – 30). Внутри общего времени (5 астрономических часов (300 мин.)) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1. Напишите целостный анализ рассказа писателя Нины Катерли «Все что угодно». Выполните целостный анализ произведения. Вы можете опираться на вопросы или выбрать собственный путь анализа. Работа должна представлять собой связный, завершённый текст. Максимальный балл - 70 баллов.

Опорные вопросы:

1. Какую роль в рассказе играет Петербург как место действия?
2. Как Вы понимаете название рассказа?
3. Что открыл для себя (или в себе) главный герой?
4. Как современный обычный человек связан с историей?

Сергей вдруг понял: надо уходить отсюда. И не то чтобы голова заболела, просто уж очень душно было, тесно от магнитофона, от лезущих в уши крикливых голосов, от необязательных вопросов, на которые тем не менее требовались ответы, тоже необязательные, любые, какие угодно. В передней он оборвал вешалку на чем-то пальто, выдернул из-под серой лохматой шубы свою куртку, кое-как сунул руки в рукава, а шапку надевал уже на лестнице. Эта полутемная лестница, по сравнению с тем, что осталось там, за дверью, уже казалась счастьем - гулкая, прохладная тишина стояла здесь, и он облокотился было на перила и полез в карман за сигаретой, но от только что захлопнувшейся двери исходило ощущение опасности: вдруг да откроется и дымный крик полоснет между лопаток.

Хлопнула дверь ниже этажом, и сразу раздались шаги и голоса.

- Ты же обещал, обещал! - гневно, но как-то беспомощно твердил низкий старческий голос. - Я не понимаю: ведь ты же дал честное слово...

- Что значит "обещал"? - нетерпеливо перебивал молодой, хриловатый. - Я что - расписку тебе давал тащиться туда на ночь глядя? Думал - смогу, а вот - не сложилось.

- Как так - "не сложилось"? Как может не сложиться, если - честное слово?!

- Ну и дела! Дал слово, так что ж теперь...? Тоже мне пироги...

- На тебя надеялись, а ты обманул...

- Надеяться следует на себя, а не на дядю. Вот так-то... "Слово"! "Обещал"! Болтология! Тебе не пообещай - горло переешь.

- Это... это бесчестно! - выкрикнул старик, и тотчас глухо ударила дверь парадной.

На улице голова - он так и не решил, болела она или не болела там, - сразу стала легкой, только в ушах чуть звенело.

Улица оказалась безлюдной. (Те двое куда-то исчезли - как сквозь землю.) И незнакомой, - сюда приехали оравой на такси и не запомнилось, как ехали, - где-то останавливались, за кем-то заезжали.

Это была унылая улица, полупустая и довольно мрачная. Он попытался разглядеть название, но фонарь горел слабо, а с неба вдруг повалил такой снег, что залепил очки. Да и какая разница, не все ли равно, что ему за дело до названий!

Прохожие попадались редко, засыпанные снегом, озабоченные только одним - как бы скорее оказаться дома. Час был поздний.

Неизвестная улица вывела его в конце концов на ярко освещенную Лиговку, прямо к трамвайной остановке, на которой, отворачиваясь от снега, топтались несколько человек.

Сразу пришел трамвай, но ненужный. Почему-то он вызвал раздражение - полупустой, ярко освещенный, такой комфортабельный и уютный среди снежной ночи, он казался неуместным, что ли, нелепым и лишним. Не успев обдумать, в чем тут дело, протерев сухим концом шарфа стекла очков, Сергей двинулся дальше, прочь от остановки, прочь от этих фонарей, и людей, и свободных такси. Такси тоже чем-то раздражали, хотя денег было достаточно, любое можно было остановить.

Поспешно свернул он в первую попавшуюся улицу, совсем уже темную и безлюдную. Чем-то странной казалась эта улица. Справа слепыми четырехугольниками застыли плечо в плечо неосвещенные дома. Ничего вроде бы удивительного - второй час на исходе, но вот тротуар... Что-то в нем было непривычное, и Сергей тут же понял - что: ни одного следа. И не потому, что сейчас падает снег, а давно никто не ходил, - глубокий, чистый сугроб тянется вдоль домов, точно не тротуар это вовсе, а газон какой-то. Настоящая зима стояла в городе вот уже неделю, а между тем только кончался ноябрь.

Темные дома на мгновение озарились зеленоватым светом, в простенке над низким двухэтажным зданием вспыхнули какие-то буквы и исчезли. Но - ничего таинственного, все очень просто: капитальный ремонт, вся та сторона улицы нежилая. А эта?.. Снова полыхнуло зеленое зарево. "СТРАХ" - прочитал Сергей в черном небе и усмехнулся - реклама Госстраха где-то по соседству. Почему ее на ночь не выключили?

Усмехнулся и прибавил шагу.

Ну, а эта сторона - тоже пустая? Нет, здесь жили. Кое-где в окнах еще горел свет, к парадным по снегу протоптаны были тропинки, хотя сейчас их на глазах заметало снегом.

Четкая тоненькая цепочка следов извилисто бежала вдоль пустого тротуара вперед, в темноту. Это были очень частые, маленькие следы с узкими носами и какие-то легкие - только отпечатки по снегу.

Сергей посмотрел и никого не разглядел. Желтые полосы были редкими, метель плотными клубами катилась навстречу.

Однако прошли совсем недавно. Если бы давно, замело бы следы, а они вон какие ясные. И тут совсем близко, шагах в десяти, среди снега и тусклого света мелькнул силуэт. Узкий, нечеткий, будто размытый. Кто-то семенил, чуть скособочившись, чуть припадая на палку. Длинная юбка, белый платок... или шапка это?.. Исчезла... Там просто тьма непроглядная до следующего фонаря. Свет падал на тротуар из окон первого этажа, и снова забрезжила темная фигура.

Он шел теперь быстро, всего несколько шагов их разделяло. Это была старуха, совершенно точно, старуха, худая, сутулая, даже, пожалуй, сгорбленная. Наверное, очень старая, хотя и шла легко. Снова темнота сделала ее почти невидимой, но расстояние совсем уже сократилось, Сергей видел старуху даже там, где не было фонарей.

И куда ее несет в такую позднь, в такую темень? Ветрено, скользко... Как бы в подтверждение его мыслей старуха вдруг вздрогнула, взмахнула руками и опрокинулась навзничь.

"Этого мне только не хватало", - подумал он, но тут же шагнул вперед и склонился над старухой. Она лежала на спине, отбросив в сторону руку с зажатой в ней палкой. Маленькие глубокие глаза были открыты, губы сжаты. Сергей стоял в нерешительности, и тут губы шевельнулись, открылись.

- Ничего страшного, просто поскользнулась. Помогите мне подняться, прошу вас.

Зачем-то сперва он поднял ее на руки. Старуха казалась совсем легкой и неподвижной. Мгновение подержав ее на весу, Сергей затем осторожно поставил ее на ноги и стал стряхивать снег с длинного пальто.

- Не надо, не надо, дружок, - слабо протестовала старуха. - Благодарю вас...

Голос был приятный - старческий, но чистый и легкий. Она чуть-чуть грассировала, и оттого в речи слышался непонятный какой-то акцент.

- Вы ушиблись. Может быть - такси? - предложил он, но старуха замахала узкой ладонью в светлой перчатке.

- Нет, нет. Боже сохрани. Этого не нужно! Да мне и идти-то пустяки.

- Тогда я провожу вас, - решил он и крепко взял ее под локоть.

Дошли они быстро. По дороге старуха молчала, сосредоточенно глядя под ноги. А метель вдруг кончилась. Редкие тонкие снежинки вспыхивали в воздухе и тут же пропадали, небо сделалось совсем черным и холодным, звезды проступили над пустыми домами. Только зеленый "СТРАХ" загорался поминутно, но не казался назойливым и ярким - глаза привыкли.

- Нам сюда. Прошу вас, - голос старухи звучал теперь торжественно и церемонно. - Прошу вас, - настойчиво повторила она.

Они стояли перед тяжелой резной дверью старинного трехэтажного особняка. Окна второго этажа, три... нет, четыре окна были освещены, снег у подъезда - утоптан, от ворот на улицу вели две узкие колеи. А вон и следы лошадиных подков, совсем недавние. Редко теперь такое встретишь, забавная какая улица, забавная старуха, интересный дом.

- Благодарю вас, зайду с удовольствием, - ответил Сергей и низко поклонился. И даже вроде шаркнул ногой.

"Что это я? Точно в спектакле. Конформист..." - мелькнуло в голове. Они уже поднялись по широкой, плохо освещенной лестнице. Старуха позвонила. Хрипловатое звяканье колокольчика послышалось за дверью, потом - быстрые шаги.

- Ах, Аглая Николаевна, наконец-то! - розовая девушка в белом переднике и с кружевом на темных волосах снимала со старухи пальто.

- Помогите гостю, Наташа, - голос старухи стал низким и властным.

- Я сам, спасибо, что вы! - но Наташа уже была тут как тут, приняла куртку, шарф и шапку положила на столик возле большого зеркала. В этом зеркале Сергей увидел себя, в этом дурацком свитере и джинсах, с покрасневшим носом и растрепанными волосами. А рядом, за плечом... Нет, она не превратилась в сказочную принцессу, в молодую красавицу, хотя, наверное, он и этому бы не удивился, она осталась старухой, блестели седой волос, морщина между бровей разрешила лоб. Но осанка! Но гордое это лицо, нос с горбинкой, прямая высокая шея!..

Старуха поймала в зеркале его взгляд и улыбнулась. Почти незаметно, только брови чуть дрогнули. Тонкой, совсем еще белой рукой поправила она волосы, сверкнула у ворота блестящая брошь.

"Платье-то. Как на картинах старых мастеров", - подумал Сергей и разозлился на себя за банальность.

Старуха опять взяла его под руку, из коридора они шагнули в комнату, и тут уж он не знал, чему удивляться, на что смотреть, что вообще думать обо всем об этом.

Слабо шевелились желтоватые язычки свечей. Человек в ливрее с галунами на цыпочках двигался от одного канделябра к другому, снимал щипцами нагар. Над креслами с расшитой обивкой, с золочеными ножками, около маленьких столиков, около громадных китайских ваз с живыми розами - голоса, звуки рояля из-за стены, какие-то фразы... по-французски, что ли... улыбки, руки в блестящих перстнях, белые чьи-то плечи, страусовые перья веера. Он вслушался. Странно - оказывается, он понимал все, что они говорили, хотя и не знал никогда французского. Совсем молоденькая девушка у окна... какая красавица!.. рассказывает лысому старичку, высовывающемуся из кресла, точно из гнезда, как она поскользнулась на уроке танцев у Жоржа и... Она смеется, и старичок, покивав острой, птичьей головкой, тут же принимается что-то бормотать о маневрах, о каком-то сикурсе, о ретираде и глупце квартирмейстере.

А другой старик - в черном фраке со звездой, к нему обращаются почтительно "ваше превосходительство" - вполголоса беседует о чем-то с молодым офицером... Постой, постой... Ну, конечно, это гусарский мундир на нем. Или - драгунский? Только и знаю, что гусар или драгун! Серость. Наверное, все же гусарский, вон и усы у него, как у гусара.

- Какое, право, мальчишество! Безрассудство! - низким, взволнованным голосом говорил старик со звездой. - Имей в виду: твоя выходка может иметь самые дурные последствия.

- Я дал слово и буду там завтра, - тихо ответил юноша.

- Но зачем? Имей в виду, тебе придется оставить полк. Карьере твоей конец, ты подумал об этом?

- Я дал слово.

- Это я слышал. Ну, что ж... Ты поступил глупо, давая слово, а теперь собираешься сделать еще одну глупость. Не понимаю... Что тебе господин Добролюбов? Почему ради этого... сомнительного... литератора ты собираешься поставить под удар всю свою жизнь?

- Завтра...

- Это ты уже мне объяснил: завтра двадцать пять лет со дня его смерти. Прекрасно. Ну и что? Ты-то здесь при чем?!

- Я обещал...

- Кому?! Зачем?! Я не помню, чтобы ты так уж часто навещал могилу собственного отца, а вот на могилу этого молодого человека, где завтра соберется всякий сброд...

- Это - мои друзья, и я прошу вас не говорить так о них.

- Дело не в них, их я, слава богу, не имею чести знать. Но ты! Ты - офицер, дворянин. Ты что, разделяешь убеждения этого Добролюбова? Сомневаюсь. Думаю даже, что ты не имеешь понятия, в чем они состоят.

- Я уважаю всякого, кто имеет хоть какие-то убеждения.

- Весьма похвально. Только стоит ли ради этого губить жизнь?

- Я дал слово, - опять повторил гусар. Впрочем, может быть, никакой он и не гусар вовсе, а только молодец парень, и лицо симпатичное, открытое и твердое, а ведь мальчишка еще совсем.

За стеной чей-то голос запел очень знакомый романс, сегодня утром Сергей его слышал по радио, но названия не помнил.

- Ах, как поет... - вздохнул маленький старичок в кресле и потянулся за шампанским - лакей застыл перед ним с подносом.

В комнате стало неожиданно тихо. Сергей оглянулся. Все замерли с поднятыми бокалами.

- Что это с вами, мой милый? - услышал он рядом старухин голос. Она коснулась прохладной рукой его щеки. В комнате снова звучали голоса. А голова кружилась, и Сергей плохо уже понимал, кто говорит, о чем.

Он подошел к окну и отодвинул белую шелковую портьеру. На улице опять мело. Даже домов на той стороне не было видно, только снег да темнота. И вдруг - какой-то свет. Он взгляделся - будто карета в две лошади с фонарями и лакеем на запятках мелькнула мимо окон да и пропала.

Он уже ничего не пытался себе представить, не старался понять. Он почувствовал внезапно, что очень устал, что больше ничего не произойдет - и пора.

Старуха не удерживала. Она молчала, когда в коридоре он поцеловал ей руку. Только наклонилась и сухими губами прикоснулась к его лбу.

Утром ничего страшного не произошло. Голова не болела и не кружилась, сознание было ясным.

"Что же это со мной приключилось? - думал он, лежа в постели. - Сон? Или бред? Меня разыграли?"

С улицы в комнату светило яркое зимнее солнце.

"Ну ладно - костюмы, свечи... Все это несложно устроить. Но карета на улице? Тоже розыгрыш? Или гипноз? Встать сейчас, пойти туда и все проверить. Только куда идти? Я ведь и адреса не посмотрел, как называлась та улица - не знаю. Теперь, конечно, окажется, что ее невозможно найти, а если и найду, выяснится, что нету такого дома или в нем никто не живет. Читал я где-то похожие истории, и они всегда кончались так. Впрочем, к чему выдумывать? Надо идти и попытаться отыскать".

На мгновение стало не по себе - а стоит ли искать, что-то подсказывало, что не нужно бы. Но Сергей отогнал эту мысль.

До Лиговки он добрался на трамвае и вышел как раз на той остановке, где стоял ночью. Он сразу узнал эту остановку - рядом, в сквере, висела афиша кинотеатра, которую он заметил вчера.

Поперечные улицы были теперь другими, не мрачными и вовсе не таинственными, проста унылыми... Не та улица. И эта - тоже... А тут? Разбитые грязные стекла, заколоченные двери, покрытый снегом тротуар. Здесь!

Сергей почти бежал. Прохожие оборачивались и глядели вслед почему-то с осуждением. Два раза он чуть не упал, поскользнувшись, и едва не пробежал мимо двери маленького старинного особняка. Но сердце вдруг ухнуло, поднялось к самому горлу, и он остановился.

Лестница была та же, с широкими ступенями, с причудливыми, в завитушках, перилами. И звонок прозвучал так же - колокольчиком. И так же быстро распахнулась дверь.

Наташа смотрела на него холодно и удивленно из-под тонких, нарисованных бровей. Синий тренировочный костюм был ей мал и вытянулся на коленях пузырями. Розовая косынка плохо прикрывала железные трубки бигуди. - Вам кого, товарищ? - спрашивала она уже, наверное, в третий раз, а он стоял перед ней и молчал. Потом очнулся.

- Мне... Аглая Николаевна... дома? - спросил и даже зажмурился, сейчас она скажет с недоумением "кто?" и захлопнет дверь. Но она пропустила его в темный коридор, постучала, крикнула: "Это к вам! Наверное, из собеса", - и исчезла. Сергей вошел в комнату.

Все выглядело так же, как ночью. Те же кресла и столики, и вазы с цветами, и белые шторы на окнах. И хозяйка в глубоком кресле у окна.

- Вам что, голубчик? - Маленькие глубокие глаза смотрели издалека, сухие скрюченные пальцы теребили полу ветхой, заношенной кофты. И тут же он увидел, что цветы в вазах мертвые, пыльные и сухие. Это были искусственные цветы, те, что продают старухи возле кладбищенских ворот.

Из-под лопнувшей обивки стульев кое-где клоками вылезала серая вата, остатки позолоты тускло поблескивали на спинках кресел, на ножках столиков.

- Как же?.. Что же?.. - повторял он, пятясь к двери.

- Ничего, ничего! - выдохнула старуха. - Все верно...

Она встала и выпрямилась, поправила волосы, и голос ее зазвучал властно:

- А теперь ступайте.

- Простите, - сказал он совсем тихо.

Со стариком Сергей столкнулся на лестнице. Задыхаясь, останавливаясь чуть не на каждой ступеньке, "его превосходительство" поднимался, волоча сетку с какими-то кулками. Не было ни фрака, ни звезды, и невозможным казалось даже представить их под поношенным, без цвета, пальто.

- Он был там? - тихо спросил Сергей.

- Он дал слово, - ответил старик, продолжая подниматься.

...Узкая колея сворачивала по снегу к воротам, и Сергей заглянул во двор. Двор был как двор, самый обыкновенный - бачки для мусора, кривобокая скамейка в углу. А рядом - деревянные ворота-двери чьего-то гаража. Раньше здесь был, наверное, каретный сарай.

И тут в гараже вдруг заржала лошадь. Тоненько и весело, будто смеялась. И вторая ответила ей басом.

Западал снег. Медленно спускался он с неба и покрывал двор, и колею, и скамейку, и его опущенные плечи, и волосы (он так и не надел шапку), и эту странную улицу, где в такую погоду может привидеться все что угодно.

ЗАДАНИЕ 2.

Вспомните, что такое романтизм как литературное направление. Что такое двоемирие? Вы прочитали рассказ, в котором герой словно оказался в другом мире. Во многих романтических произведениях герои оказываются в параллельном мире. Можно ли считать этот рассказ романтическим?

Вспомните и назовите романтические произведения (автор и название), герои которых во сне или в особом состоянии оказывались словно в другом мире, какую роль играет такой «переход» в произведениях?

Максимальное количество баллов – 30.